

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

Украина, Киев.
 Национальная академия наук Украины.
 Центр гуманитарного образования.
 Кафедра философии науки и культурологии, профессор.
 Доктор философских наук, профессор.

Ukraine, Kiev.
 National Academy of Sciences of Ukraine.
 Centre of Humanitarian Education.
 Department of Philosophy of Sciences and Cultural Anthropology, Professor.

mars6464@gmail.com

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОСВЕЩЕННОЙ СВОБОДЫ ПОЗНАНИЯ

1. Парадокс познания — это ситуация двойственного поведения противоречия. С одной стороны, оно отсутствует как внутреннее, объективное. С другой стороны, присутствует как внешнее, субъективное и предельно выраженное. Причина его проявления — в самопроизвольной взаимной подмене смысловых связей при общем сохранении логики содержания, т. е. переход от рационального к мифологическому отношению к объекту познания. Парадокс возникает там, где содержание мышления выражается формой, предельно конкретизированной и возведённой на уровень абстрактной индивидуальности — способностью суждения. Именно суждение внешне предстаёт как рациональное, прозрачное, завершённое и общедоступное для понимания, но в действительности оно является внерациональной (в том числе и нефилософской), мифологической формой познания.

2. Парадокс проявляется в индивидуальном сознании, когда оно нарушает меру индивидуальности и прорывается во всеобщность, стремясь в то же время сохранить предметный характер. Однако в эпоху европейского Просвещения парадоксальность мышления стала феноменом массового сознания, вытесняя из формы сознания её философский аспект. В это время поиски универсальных методов научного познания и создания обширных классификаций вещей привели к нарушению гносеологической меры, и это нашло отражение в создании французской Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел.

3. Парадоксальность энциклопедического мышления стала просвещенческим критерием свободы мышления и поведения. Свобода для просвещённого человека XVIII в. означала действительность индивидуальной самостоятельности мышления и поведения вне абсолютно внешнего основания. Это было буржуазное, рационализированное представление о свободе, исключавшее иррациональные аспекты (например, вмешательство судьбы). В контексте этого общего понимания энциклопедизм был представлением об окончательном воплощении интеллектуальной свободы, когда всеобщее постигалось через эмпирический (механический) перебор.

Чтобы сохранить эмпирическую индивидуальность, человек отказывался от личностной свободы, довольствуясь бесконечностью суждений о свободе или свободой суждения. Вместо того чтобы рассматривать свободу как всеобщность формы мышления и основание любой деятельности, он полагал её как содержание индивидуального мышле-

ния — как «мысль о свободе». По сути это была только «возможность свободы», понимаемая как таковая и одновременно понимаемая как образ подлинной свободы, то есть как действительная свобода. Такая свобода исчезала вместе с исчезновением способности суждения, и являлась свободой сочетания рассудка не с разумом, а только с воображением. Это была не глубинно-смысловая, а только пространственная (содержательно-информативная и внешне демонстративная в процессе эрудиции) свобода. Это была свобода, ограниченная рамками далекого не морального закона и устремлённая в безграничность проблематики исследования. Это была «свобода оперативного реагирования» на внешние «раздражители». Так, «свобода слова» в политике являлась необходимым суррогатом подлинной, абсолютной свободы, способом периодического «выпускания пара» в условиях постоянных социальных противоречий и конфликтов, отвлечением внимания от их подлинного основания. «Свобода слова» в искусстве служила прикрытием для истинного непонимания скрытых целей мастера.

Ключевые слова: парадокс, противоречие, просвещение, энциклопедизм, свобода, Дидро, Кант

The Paradox of Encyclopaedic Thought as the Manifestation of Enlightenment and Freedom of Cognition

1. The paradox of cognition is a situation that reflects the ambivalent behavior of contradiction. On the one hand, it does not exist as an internal, objective situation. On the other hand, it is present as an external, subjective and very pronounced situation. The reason for its manifestation is a spontaneous mutual substitution of semantic connections, while inner logic is generally preserved, i. e., the transition from a rational to a mythological relation to the object of cognition. The paradox appears when the content of thinking is expressed in a form that is made specific to the limit, and then raised to the level of an abstract individuality by the ability of judgment. That is a judgment that outwardly appears to be rational, transparent, complete and publicly accessible, but in reality it is a non-rational (as well as non-philosophical), mythological form of cognition. 2. The paradox is manifested in

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

individual consciousness, when it disturbs a measure of individuality and breaks into universality trying, at the same time, to maintain a subjective nature. However, during the European Enlightenment period, the paradox of thinking became a phenomenon of mass consciousness, crowding out the philosophical aspect from the form of consciousness. At that time, the search for universal methods of scientific cognition and the creation of broad classifications of things led to the breach of an epistemological measure, reflected in the creation of the French Encyclopaedia or a Systematic Dictionary of the Sciences, Arts and Crafts. 3. The paradox of encyclopaedic thinking became an enlightenment criterion of the freedom of thought and behaviour. For an enlightened man of the 18th century, freedom was the reality of individual autonomy of thought and behaviour outside of the absolute foundation. It was a bourgeois, rationalized view of freedom, which excluded irrational aspects (such as a stroke of luck). In the context of this general understanding, an encyclopaedism was a notion of the final embodiment of intellectual freedom, when universality was comprehended through empirical (mechanical) enumeration. To maintain empirical individuality, a man who is denied his personal freedom, becomes satisfied with the infinite judgments about freedom or the freedom of judgment. Instead of considering freedom as the

universality of thinking forms and the basis of any activity, he considers it as the content of individual thinking — as “the idea of freedom”. In fact, it was only a “possibility of freedom”, understood as itself and, at the same time, understood as an image of true freedom, i. e. as real freedom. Such freedom vanished with the disappearance of the ability of judgment and became a freedom comprised of the combination of good sense - not with reason, but only with the imagination. This was not a deep-semantic freedom, but only a spatial (meaningful, informative and outwardly demonstrative through erudition) freedom. It was a freedom, limited to a framework far from that of moral law, and directed to the immensity of the investigated problems. It was a “freedom of rapid response” to external “stimuli”. Thus, the “freedom of speech” of politics was a necessary substitute for genuine, absolute freedom, a way of periodically “letting off steam” in the face of permanent social contradictions and conflicts, a distraction from their true base. “Freedom of speech” in art served as a cover for true understanding of a master’s latent purposes.

Key words: *paradox, contradiction, enlightenment, encyclopedic, freedom, Diderot, Kant*

I

Парадокс познания — это ситуация внутреннего, объективного отсутствия противоречия при внешнем, субъективном предельно выраженном его проявлении. Иными словами, это «кажущееся противоречие» или «иллюзия противоречия». Основной причиной проявления парадокса является самопроизвольная взаимная подмена смысловых связей при общем сохранении логики содержания и неуловимый переход от рационального к мифологическому отношению к объекту. Иными словами, в процессе такого познания исчезают привычные содержательные различия между понятиями, чувственными представлениями, нравственными оценками, интуитивными образами, бессознательными импульсами и проч. Исчезают реальные противоречия и реальные непротиворечивости, возникают мнимые. В связи с этим многие исследователи определяли парадокс как момент несогласованности мышления и объекта. В частности, В. С. Библер указывал, что в некоторых ситуациях мышление может истинным образом схватывать объект, только избегая логических процедур. Например, если делает это интуитивно. Или в момент создания художественного образа. Если же происходит попытка определить объект с помощью мыслительного аппарата и сделать его достоянием всеобщей мысли, всякий смысл разрушается¹.

Ситуация парадокса возникает в том случае, если содержание мышления выражается предельно конкретизированной, возведённой на уровень абстрактной индивидуальности формой — способностью суждения. Именно суждение внешне, содержательно предстаёт как рациональное, прозрачное, завершённое и общедоступное для понимания, но в действительности — формально — является внерациональной (в том числе и нефилософской), мифологической формой познания. примером являются кантовские антиномии, составленные по

всем законам формальной логики и наполненные рационально воспринимаемым содержанием. Однако выражения, подобные таким как «Мир конечен — мир бесконечен», содержательно мифологичны, потому что могут быть подкреплены чем угодно. И, значит, ничем.

Философская сущность отношения мышления к бытию выражается, как известно, в его вопрошающем характере. Смысл последнего — в осознанном и потому скептическом самовыражении мышления как меры бытия. Подходя к бытию с вопросом, мышление приравнивается к нему, стараясь ничего не исказить и не вмешиваться в его структуру. Если же мышление отражается в суждении, то выступает абсолютным, безальтернативным (само)утверждением по отношению к бытию. И в этом понимании, как ни странно, безотносительным. Достаточно прислушаться или вчитаться, чтобы ухватить особую — судящую, приговаривающую (буквально!) — интонацию мышления, не позволяющую проступить многозначности смысла: «Я больше люблю Вергилия, нежели Фонтенеля, но обоим им предпочёл бы Теокрита; не обладая изяществом первого, он гораздо правдивее его и далёк от манерности второго»². В другом месте — столь же безапелляционно: «Существует карикатурный цвет, равно как и карикатурный рисунок, а всякая карикатура противоречит хорошему вкусу»³. Способность суждения реализуется и утверждается за счёт бытия, вопреки ему, вытесняет его, занимает его место. Забирая себе основную бытийную функцию времени, само становясь основанием времени, своей демонстративностью делает зависимым от времени всё вокруг. Причём, это зависимость не от вечности, бытийности времени, а от его субъективистского, «скоротечного» переваривания в восприятии судящего. То есть это обратная зависимость времени (=образа времени) от самого

¹ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 12.

² Дидро Д. О вкусе // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах. Т. VI. Искусство / Пер. Н. Жарковой. М.: Гослитиздат, 1946. С. 540.

³ Дидро Д. Салон 1765 г. // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах. Т. VI. С. 222.

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

суждения: «Истинная линия, идеальный образец красоты существовали только в представлениях Агасиев, Рафаэлей, Пуссенов, Пюже, Пигалей, Фальконе...»⁴ Эти слова Дидро замечательны тем, что в них, как в противопоставленных зеркалах, отражается бесконечность вложенных друг в друга смыслов, растворяющих объективную реальность в своих собственных образах. Идеалы красоты, существовавшие будто бы в головах великих мастеров прошлого, по иронии, оказываются лишь концептуально существующими в голове автора «Салонов»... Как видим, для того чтобы суждение состоялось, совершенно не нужно «включать» механизм сомнения (а вопрошание есть словесная репрезентация сомнения как следствия абсолютного незнания). Необходимо иметь развитое воображение, сильную фантазию, возможно даже склонность к созданию иллюзий. Но всё это не имеет отношения к философствованию, потому что способность суждения формируется там, где невозможно что-то с чем-то согласовать, но есть субъективное и не всегда обоснованное желание во что бы то ни стало сделать это. Философское мышление не ставит себе такую цель, не думает о соответствии самого себя бытию. Оно может говорить о себе как о бытии (Элеаты), или пытаться выразить бытие в логике понятий (Гегель); в нём есть категориальность, но нет категоричности, которая возникает при определении бытия «как такового и больше никакого» (Библер). Философское мышление отражает бытие относительно себя, но не пытается сделать его равным себе⁵. А суждение именно на это и направлено: вместо того чтобы задаваться вопросом, как возможен переход чувственного в сверхчувственное, субъект суждения воображает, умо-зрит одно как другое, — по аналогии или интуиции, но всегда без всякого опосредующего образного звена. И потому способ суждения может быть какой угодно — эстетической, религиозной, чувственно-эмпирической. Но только не философской. Скорее всего, она мифологична, потому что мышление при этом направляется не на бытие или небытие и не на мир как таковые, а на видимое или воображаемое бытие, небытие или мир. То есть мышление направляется на создание содержательных частных в пределах самого себя, не воспринимая при этом себя целиком.

Таким образом, есть существенное различие в том, чтобы объяснить основание возможности проявления знания, и в том, чтобы охватить всю массу уже имеющихся знаний по данному вопросу, прекратив, тем самым, их дальнейшее развитие. Суждение как содержание мысли становится «осуждением» её формы, поскольку делает всё, противостоящее мысли, *зависимым* от неё, по крайней мере, на словах. Реальность вещи обесценивается, заменяясь навязанным (и далеко не всегда объективным) смыслом. Но и в том случае, если смысл суждения объективен, он агрессивно довлечет над вещью, диктуя ей правила (само)реализации. Это приводит к расхождению между действительностью смысла суждения и особенностями восприятия этого смысла со стороны. В результате неминуемо происходит взаимозаменяемость логических связей — нравственный опыт эстетизируется и перестаёт быть серьёзным,

философия и наука идеологизируются, религия политизируется, искусство обретает бытовой характер. Способность суждения формирует какой-то новый — свой собственный? — мир как миф, как иную реальность, который рано или поздно начинает претендовать на законодательность. В. С. Библер называл такую ситуацию «бездеятельностью формы» сознания, или «бесформенностью практического действия»⁶. Можно также назвать это «мифологической нормой отношения к миру», при которой *обладатель способности суждения ничего не создаёт и ничего не разрушает на практике, но интенсивно занимается и тем и другим на словах и достигает не только словесных результатов*. Он разрушает и созидает, не выходя за пределы мышления; тем не менее, результаты оказываются иногда вполне реальными, если становятся достоянием общественности. Например, если вся предшествующая философия подпадает под акт суждения, появляется возможность использовать её как «строительный материал» для создания новых суждений. Не породить новый акт осознанного отражения мира, а переиначить словесно уже имеющиеся взгляды, идеи, концепции. Переставить местами слова, лишив их первоначального смысла, но сохранив их про запас «в тени» своего мышления. Это уже не философская и уж точно не моральная задача, а эстетическая — задача реализации рациональным образом чувственного отношения к миру, собственного вкуса.

Таким образом, рождаясь на основании мифа, суждение, каким бы оно ни было по содержанию, имеет эстетическую форму как абсолютное основание и условие самооправдания.

II

Ситуация парадокса проявляется независимо от времени, — как правило, в рамках индивидуального сознания, когда оно нарушает меру индивидуальности и прорывается во всеобщность, стремясь при этом сохранить предметный характер. Однако в истории сознания есть период, когда парадоксальность мышления впервые продемонстрировала себя как феномен *массового* сознания, постепенно вытесняя из формы сознания её философский аспект. Это эпоха европейского Просвещения — время, когда поиски универсальных методов научного познания и создания обширных классификаций вещей и «лестниц природы» привели к нарушению гносеологической меры, что нашло отражение в создании французской Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел.

На первый взгляд, Энциклопедия — просто количественный способ развития идеи бесконечного упорядочивания эмпирической информации. На самом же деле в Энциклопедии нет жёсткой методологически обоснованной классификации (алфавитное и предметно-проблемное направления — внешние, можно сказать, случайные способы группировки знаний). И это наилучшее подтверждение того обстоятельства, что для большинства авторов цель создания Энциклопедии была совсем другой: с её помощью они намерены были бороться с суевериями и предрассудками *массового* сознания и способствовать формированию свободной мысли. Однако авторы Энциклопедии называли суевериями и предрассудками не толь-

⁴ Дидро Д. Салон 1767 г. // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах. Т. VI. С. 282.

⁵ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 22.

⁶ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 18.

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

ко религиозные взгляды, но и всякие представления, которые принимаются близко к сердцу, с чувственной непосредственностью, которые так или иначе могут завладевать умами людей и независимо от их воли направлять течение мысли. Всё, что обладает однозначной предметностью, из чего можно сделать идолов, «остановить время», должно быть зачислено в ранг суеверий. Позднее это было подтверждено уже в другой методологической традиции: «Склонность к пассивности, стало быть к гетеронии разума, называется предрассудком; и самый большой предрассудок состоит в том, что природу представляют себе не подчинённой тем правилам, которые рассудок посредством своего собственного неотъемлемого закона полагает в основу; это — суеверие»⁷. Однако Кант также указывал, что в таком толковании суеверий и предрассудков таится опасность утраты нравственной меры отношения не только мышления к бытию, но и практического поведения: способность суждения «... в своей рефлексии мысленно (a priori) принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение как бы считалось с совокупным человеческим разумом...»⁸ и теряет основание рефлексии, замещаясь этими предметами.

Иными словами, как только судящий пытается философствовать, рефлексировать, он незаметно для себя вживается в рефлексивный опыт того, кого судит, и при этом теряет способность сознательно различать что-либо, в том числе добро и зло. В этом состоит *формальный* аспект парадоксальности энциклопедического мышления.

Очевидно, энциклопедисты догадывались об этом и потому предлагали новые — чёткие, ясные, общедоступные — определения разнообразных областей жизнедеятельности и рассчитывали, что их примут *всерьёз и надолго*. Фактически, сделают новыми предрассудками, доверяя им свои жизни. Авторы Энциклопедии пытались соединить некоторые традиции прошлого с новыми требованиями к художественному и научному творчеству. В частности, Дидро полагал, что хороший вкус в искусстве основывается на синтезе правдоподобного изображения (содержания) и нравоучительного смысла (формы).

Иными словами, способность к хорошему вкусу как эстетическая конкретизация способности суждения исключает действие воображения. То есть выражается теми способами и приёмами, которые искусством не являются. И в этом состоит *содержательный* аспект парадоксальности энциклопедического мышления.

Выходит, что борьба с предрассудками должна была вестись их же средствами, что неминуемо приводило к укреплению первых. Поэтому вся Энциклопедия состоит не просто из определений, а из *законченных, аналитических* определений, каждое из которых своей безальтернативностью не позволяло познающему разуму двигаться вперёд. Энциклопедия — своего рода эталон, ей нельзя прекословить, её содержание нельзя уточнять или пояснять. Возможно допустить, что в условиях растущего просвещенческого атеизма и научно обоснованной безнравственности она способна была занять место Священного Писания и морального кодекса. В какой-то мере так и про-

изошло: Энциклопедия — коллективный, но не коммуникативный труд; это интеллектуальное «многоголосье», где каждый автор слышит... нет, не глас Божий и не собственную совесть, а внутренний «даймон». Заворожённый его музыкой, он так же отстранён от других и не понимаем ими, как древние пророки.

По завершении Энциклопедии оказывается под вопросом всё дальнейшее развитие наук и искусств (но не философии, поскольку сам вопрос «как возможно развитие наук искусств после Энциклопедии?» является философским). Таким образом, энциклопедическое мышление, с одной стороны, предоставляет почти универсальные, всесторонние знания, не требующие дополнений и не терпящие спора. Но, с другой стороны, целью её является всё же не слепая вера («да скроется тьма!» — один из лозунгов энциклопедистов) и воспитание отнюдь не любви к знаниям в массовом обществе. Такое было бы возможно лишь в случае постоянного преодоления существующего уровня развития наук, искусств и ремёсел. Тем самым, способность суждения вступает в противоречие с традиционным моральным опытом: «не судите...» Но вступает в противоречие так, что в действительности нет никакого противоречия: кто хочет, может ориентироваться на данные Энциклопедии, кто не хочет, может не читать её, идя своим путём. Энциклопедия была задумана как *частное дело* группы интеллектуалов, выступавшей как «коллективный индивид». Она была задумана не как научный проект (в силу парадоксальности), а как «произведение искусства» именно потому, что действия каждого из авторов никоим образом не противоречили действиям остальных.

В этом и заключается парадокс. Пока в ситуации не вмешивается власть (пока нет государственного предписания везде и во всём ссылаться на данные Энциклопедии), парадокс остаётся самим собой, не трансформируясь в противоречие. Исторически так и было. Власти не выказывали официального отношения к проекту. Каждый автор работал в своё удовольствие, будучи абсолютно свободным в выборе темы, аргументов, методов, примеров для изложения собственных взглядов. Именно поэтому жанр этого произведения мог быть только *эстетическим*. Ведь невозможно связать с помощью одного только разума и рассудка совершенно автономные друг от друга области знания. Для этого нужны прежде всего интуиция и чувства, выступающие по отношению к рассудку и разуму *априорными формами суждения вкуса*. Перефразируя мысль В. С. Библера, можно сказать, что энциклопедическое мышление осуществляется лишь тогда, когда самодостаточный предмет (в том числе мыслительный) оказывается лишь *поводом* для игры воображения, эрудиции и морализаторства. Всё вместе оно составляет энциклопедическое суждение о предмете. Но главным в Энциклопедии является всё-таки не это, а желание автора заявить о себе, не приглашая к общению или дискуссии.

Только так и было возможно создание Энциклопедии. *Абстрагирование чувств до всеобщего уровня и конкретизация разума до индивидуального сосредоточения — вот задача суждения вкуса*. Энциклопедия как нельзя лучше с ней справляется. Кант об этом говорил так: каждый обладает способностью суждения с надеждой быть услышанным; но если я разделяю мнение другого, я тут же теряю эту способность. Поэтому о вкусах можно и нельзя спорить. Нельзя, потому что мой вкус — только мой, определяющий сам себя. Можно и нужно, потому

⁷ Кант И. Критика способности суждения / Пер. Н. М. Соколова // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 308.

⁸ Кант И. Критика способности суждения. С. 307.

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

что, даже принимая чужой вкус, мы определяем это отношение к нему как форму спора и преодоления в себе⁹.

III

Энциклопедизм мышления есть особый — просвещенческий — способ проявления свободы мышления и поведения. Просвещенческая свобода отличается от более ранних опытов свободы, — к примеру, древнегреческой как основания обретения всеобщего знания, или средневековой как основания осознанного повиновения сверхъестественному. Для просвещенного человека XVIII в. свобода означала действительную индивидуальную самостоятельность мышления и поведения безотносительно к абсолютному трансцендентному основанию. Это было буржуазное, рационализированное представление о свободе, исключавшее иррациональные аспекты (например, вмешательство судьбы). В контексте этого общего понимания энциклопедизм есть представление об окончательной и адекватной воплощенности интеллектуальной свободы, когда всеобщее постигается через эмпирический (механический) перебор. И здесь особенно ярко выражен парадокс: чем больше чужих идей усваивает человек, тем меньше он имеет к ним отношения, потому что теряет своё «место» среди них, растворяется в их смыслах. Чтобы сохранить эмпирическую индивидуальность, он отказывается от личностной (всеобщей, духовной) свободы, довольствуясь бесконечностью суждений о свободе или свободой суждения (свободой слова). Кант говорил, что это происходит потому, что «...мы в своём суждении считаемся не столько с действительными, сколько лишь с возможными суждениями других и ставим себя на место каждого другого, отвлекаясь только от ограничений, которые случайно примешиваются к нашему собственному суждению; а это в свою очередь вызвано тем, что мы насколько возможно опускаем то, что в состоянии, обусловленном] представлением, есть материя, т. е. ощущение, и обращаем внимание лишь на формальные особенности своего представления или состояния, [обусловленного] нашим представлением»¹⁰.

Таким образом, вместо того чтобы рассматривать свободу как критерий всеобщности формы мышления и основание любой деятельности, деятели Просвещения полагали её как содержание индивидуального мышления — как «мысль о свободе». Просвещенцы пытались подвести представления о единичном как особенном под общее понятие, но это «единичное особенное» не было проработано в логике, а только интуитивно схвачено, очерчено метафорически. И потому оно не могло найти основание для адекватного нахождения себя в нём, не теряясь и не выталкивая из него себе подобных.

Парадокс этого опыта свободы в том, что по сути это только «возможность свободы», понимаемая как таковая и одновременно понимаемая как образ подлинной свободы, то есть как действительная свобода. «Человек судящий» свободен не в себе и для себя, а только по отношению к окружающим¹¹. Такая свобода исчезает вместе с исчезновением суждения. Судить о себе в попытке преодолеть только что произведённый

акт суждения человек не может, так как это является критерием «дурного вкуса» (дурной бесконечности суждения), ведь в этом случае он убеждает в собственной правоте не только самого себя, но всех. Судить адекватно о других тоже не получается, потому что объект растворяется в акте суждения. Что же тогда сохраняет авторское достоинство и само достойно суждения? Не-реальность, идеал. Поскольку в суждении ведущую роль играет воображение, оно по определению не может быть направлено на реальность, все понятия суждения есть только «воображённые понятия» или «понятия о воображении».

Таким образом, свобода судящего — это свобода сочетания рассудка не с разумом, а только с воображением. В этом сочетании проявляется антиномичная свобода суждения вкуса: «О предмете такого суждения уже нельзя сказать "он истинно таков!"»; о нём можно лишь сказать "он прекрасен!" Но для того, чтобы так сказать, для того, чтобы предмет мог выступить в таком качестве, для этого все собственные познавательные способности должны изменить свой статут, они — чтобы относиться к прекрасному предмету — должны не относиться к нему, должны замкнуться на себя, должны самоудовлетворяться своим самопревращением, должны стать средоточием внутреннего общения, внутреннего диалога»¹². То есть сами должны стать подобными ему — прекрасными. Это и есть антиномия эстетической рефлексии: «Воображение теперь должно быть нацелено на превращение в (неопределённое) понятие, должно фокусироваться как предпонятие, должно исчезать как воображение. Понятие должно теперь (в эстетическом суждении) быть нацеленным на превращение в воображение; в понятии должно отныне воспроизводиться в потенции не общее, но особенное, уникальное, один предмет, конструируемый, воображаемый предмет (но... воображаемый как он есть, т. е. как... предмет понятия)»¹³. Иными словами, если эстетический вкус не является достойным предмету своего суждения, он должен «сыграть достоинство» — вообразить себя достойным, или же вообразить, что предмет не достоин его.

Это не глубинно-смысловая, а только пространственная (содержательно-информативная и внешне демонстративная в процессе эрудиции) свобода. Это свобода, ограниченная рамками предельно аморального закона и устремлённая в безграничность проблематики исследования. Это «свобода оперативного реагирования» на внешние «раздражители». Так, «свобода слова» в политике является необходимым суррогатом подлинной, абсолютной свободы, способом периодического «выпускания пара» в условиях постоянных социальных противоречий и конфликтов, отвлечением внимания от их подлинного основания. «Свобода слова» в искусстве служит прикрытием собственно непонимания скрытых целей мастера. И т. д. Но поскольку суждение выстраивается по закону подобия самому себе, то своим непониманием судящий стремится надеть также и объект, сделать его а priori непонятным. Так сказать, разделить с ним тяжесть собственного комплекса. Таков Дидро в своей искренней (?) неприязни к творчеству Буше: «Осмеливаюсь утверждать, что этот художник просто не знает, что такое грация;

⁹ См.: Кант И. Критика способности суждения. С. 358.

¹⁰ Кант И. Критика способности суждения. С. 307.

¹¹ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 25.

¹² См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 29.

¹³ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 29.

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна / Marina SAVEL'eva

| Парадоксальность энциклопедического мышления как проявление просвещенческой свободы познания |

осмеливаюсь утверждать, что ему стали почти недоступны понятия изящества, честности, невинности, простоты; осмеливаюсь утверждать, что он никогда не видал природа, по крайней мере, той, которая трогает мою душу, вашу, душу неспорченного ребёнка, душу чувствительной женщины; осмеливаюсь утверждать, что он безвкусен»¹⁴. Естественно, что такая буржуазная, рационалистическая разновидность свободы *опустошает своего субъекта*; осмелюсь, в свою очередь, утверждать, что Дидро, *взахлеб* критиковавший полотна Буше, вряд ли чувствовал себя удовлетворённым *после* этого разгрома. И не удивительно: в действительности победитель жаждет вечной борьбы, чтобы его противник вечно оставался противником; иначе — что остаётся после победы? Всего лишь слава — жалкое воспоминание о воплощённых страстях души... Библер говорит об этом так: чем больше человек судит, тем меньше он оказывается удовлетворённым собой, *тем больше он требует*

¹⁴ Дидро Д. Салон 1765 г. // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах. Т. VI. С. 108. К слову, трижды сказанное «осмеливаюсь» звучит весьма угрожающе...

*наполнения извне*¹⁵. Он не видит цели своего интеллектуального существования, но по-другому не может себя реализовать. А всё потому, что суждение основано на *воображении*, а *воображением нельзя заполнить личность* (если, конечно, это не Нарцисс, хотя известно, чем закончилась история Нарцисса). В действительности личность можно наполнить только *реальностью деятельности* по изменению самой себя в процессе эстетического созерцания (исследовать, каким образом представление о прекрасном влияет на неё). Вкус же не является ни рассудочной, ни разумной деятельностью, — это только *возможность деятельности или деятельность возможности*.

Такая трансформация свободы в бесконечность возможности эмпирического перебора понятий была горькой расплатой Просвещения за непомерную рационализацию сущности познания. Единственный, кто это понял, был Кант, и потому подвиг критике способности суждения.

¹⁵ См.: Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. С. 30.

